

**Николай Никандрович  
Никандров**

**РЫНОК любви**

**Москва  
Книга по Требованию**

УДК 82-3  
ББК 84

**Николай Никандрович Никандров**

Рынок любви / Николай Никандрович Никандров – М.: Книга по Требованию, 2011. – 44 с.

**ISBN 978-5-4241-2085-5**

Настоящий сборник представляет читателю не переиздававшиеся более 70 лет произведения Н.Н.Никандрова (1868-1964), которого А.И.Солженицын назвал среди лучших писателей XX века (он поддержал и намерение выпустить эту книгу).

Творчество Н.Никандрова не укладывается в привычные рамки. Грубостью, шаржированностью образов он взрывал изысканную атмосферу Серебряного века. Экспрессивные элементы в его стиле возникли задолго до появления экспрессионизма как литературного направления. Бескомпромиссность, жесткость, нелицеприятность его критики звучала диссонансом даже в острых спорах 20-х годов. А беспощадное осмеяние демагогии, ханжества, лицемерия, бездушности советской системы были осмотрительно приостановлены бдительной цензурой последующих десятилетий.

Собранные вместе в сборнике «Путь к женщине» его роман, повести и рассказы позволяют говорить о Н.Никандрове как о ярчайшем сатирике новейшего времени.

**ISBN 978-5-4241-2085-5**

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011



# Николай Никандров

Рынок любви

## I

Бухгалтер одного из отделений Центросоюза Шурыгин, маленького роста, плотный, хорошо упитанный мужчина с очень идущей к нему большой прямоугольной бородой, делающей его лицо красивым, уже в третий раз безрезультатно обходил кольцо московских бульваров: Пречистенский, Никитский, Тверской...

Походка у него была мечущаяся, вид растерянный, и, глядя на него со стороны, можно было подумать, что этот странный, солидный бородач только что потерял в темноте и теперь почти со слезами на глазах разыскивает среди прохожих кого-то из своих близких.

Несмотря на крепнувший к ночи московский мороз, Шурыгин то и дело снимал с головы теплую шапку и вытирал платком с лысины пот, а сам даже и в это время не переставал посылать на всех проходивших мимо женщин острые, голодные, дальнозоркие, как у моряка, взгляды. Опытным взглядом тридцатидевятилетнего холостяка он в пол секунды определял, какая из женщин проходила бульваром случайно, какая искала здесь знакомства с порядочным мужчиной для серьезной и длительной любви, какая проводила тут жизнь, давая себя любить час одному, час другому, всем, профессионально, за деньги.

Оберегая свое здоровье, женщин последней категории Шурыгин очень боялся, всячески от них убегал и пользовался их услугами только в тех крайних случаях, когда его внезапно охватывала бурная, нетерпеливая, уничтожающая жажда любви, а любить было некого. В такие минуты он сам считал себя чело-веком ненормальным, утратившим власть над собой, способным на самые пагубные для себя безрассудства.

— Толстый, пойдем!

— Нет, я тут ищу одну... знакомую.

— Она не придет.

— Обещала.

И бухгалтер перебирал своими толстыми, короткими нога ми дальше, молнией вдруг устремляясь сквозь тьму то к одной встречной женщине, как к своей хорошей знакомой, то сейчас же наискосок к другой.

— Ух, как вы меня испугали! — вырывался испуганный вздох из уст иной женщины, вдруг увидевшей перед самым своим носом напряженное страстью лицо мужчины.

Иногда темнота и утомленное зрение обманывали Шурыгина, и он налетал живот к животу на мужчину в особенности если у того было длиннополое пальто, похожее в темноте на женскую юбку. Случалось, что точно таким же образом и на него вдруг налетали из тьмы другие мужчины, дикие, с вытаращенными, светящимися в темноте глазами, с расширенными ноздрями...

Ноги бухгалтера были утомлены до крайности, мозг отупел, на сердце камнем лежала тоска... Неужели женщины не испытывают такой же неодолимой потребности любить? Тогда по чему они, тупицы, молчат? Почему ни одна из них не подойдет к нему сейчас и не скажет ему об этом?

Снег похрустывал под новыми калошами поспевающего Шурыгина звучно,

густо, плотно, как картофельная мука в кулке: "Хрум-хрум-хрум"...

Наконец в неосвещенной части Тверского бульвара бухгалтер окончательно остановил свое мужское внимание на самой скромной на вид женщине. Она одиноко и долго сидела на полу занесенной снегом, обледелой скамье, зябко нахлотившись в своей короткой шубке и вобрав голову в желтое дешевенькое боа.

П

— Извиняюсь, мадам, я вам не помешаю? — взволнованно подсел к ней Шурыгин, избрав момент, когда вблизи никого не было.

— Нет, нет, ничего, пожалуйста, — проговорила незнакомка торопливо и тоже волнуясь, точно боясь, как бы Шурыгин не передумал и не ушел.

И она еще больше сжалась, собралась в плотный, круглый комок, без головы, без рук, без ног.

— А то я могу уйти, если в случае... — пробормотал Шурыгин, пробуя почву и сразу выпустив из себя все свои внутренние мужские щупальцы.

— Вы мне не мешаете, — с достоинством ответила женщина, не поднимая на Шурыгина лица и глядя прямо перед собой в одну точку.

Она сидела на одном конце длинной садовой скамьи, Шурыгин на другом, и оба боялись, как бы кто-нибудь третий не сел посередине.

Середина спинки скамьи опиралась о толстый ствол древнего дерева, широко разросшаяся крона которого на всех белых мохнато-заиндевельных ветках была сплошь унизана, точно крупными черными листьями, спящими галками и воронами. И иногда было слышно, как сонные птицы с мягким, сдержанным, грациозным шелестом вдруг всей своей массой начинали молча производить среди ночи странные, им одним понятные и зачем-то им нужные, перемещения с ветки на ветку того же дерева...

Шурыгин, чтобы его не узнали знакомые и сослуживцы, поднял каракулевый воротник пальто и, повернувшись лицом к незнакомке, напряженно сверлил глазами одну ее щеку, пытался разглядеть в темноте ее лицо, цвет волос, всматривался в шапочку, шубку, ботинки. Кто она? Зачем она тут? К какому из трех обычных разрядов можно ее причислить?

— Видите что, — стесненно сказал он, обратившись к незнакомке и посылая ей свои слова через всю длину скамейки, — я это оттого вас спросил, не помешаю ли вам, что иные дамы обижаются, если мужчина сядет на одну с ними скамью. Они сейчас же начинают что-нибудь думать...

Это все пустяки, — отозвалась из самой верхушки темного комочка дама, по-прежнему не шевелясь и не глядя на своего соседа. — Что из того, что на ту же скамью, на которой сию я, сядет мужчина!

— Конечно, конечно, — оживился бухгалтер и, как бы сам того не замечая, подобрал под собой в руки фалды пальто и в сильно согнутой к земле позе подъехал по скамье на аршин ближе к даме. — Ну что, например, из того, что я вот сейчас сел на эту скамью? Какой вам ущерб? Другое дело, если бы вы кого-нибудь другого...

— Нет, я никого не жду, — сказала дама просто. И в этой ее простоте Шурыгину почудилось что-то особенно подкупаю щее, какая-то врожденная этой женщине ласка.

И он во второй раз обеими руками поджал под себя фалды пальто и с наклоненной в землю головой еще немножко подъехал по скамье к даме.

Сердце его тревожно колотилось: "Тук-тук-тук"...

Перед ним встала нелегкая задача: придумать хороший и длинный разговор. Это было не то, что в конторе Центросоюза класть на счета мертвые цифры, с утра до вечера считать чужие миллиарды!

— Значит, вы, как и я, просто вышли подышать свежим воздухом?

— Да, "воздухом".

Последнее слово дама произнесла с горькой иронией над собой и лихорадочно вздрогнула всем комочком.

— Да-а... — осторожно вздохнул Шурыгин, стараясь на шупать нужный тон. — Такова-то наша жизнь...

— А что, разве вы тоже недовольны своей жизнью? — не сразу спросила дама с интересом.

И Шурыгин с радостью увидел, как она в первый раз повела на него одним взглядом, блеснувшим из узенькой щелочки между теплой шапочкой и боа.

— А разве можно быть довольным такой жизнью? — искренно пожаловался он. — Кажется, и здоровье у меня хорошее, и служба обеспечивающая, и квартира удобная... Только бы жить! Но на что мне все это, на что эти деньги, пайки, уважение сослуживцев, если у меня главного нет?

— Что вы называете главным?

— Главным?

Он подыскал нужные слова и сказал:

— Главное в жизни — это любовь. Взаимная любовь между мужчиной и женщиной.

— Что же вы, неудачно женились, что ли?

— В том то и дело, что я холост и никогда не был женат. Из глубины темного комочка вырвалась усмешка.

— Все мужчины так говорят. Все мужчины "холосты". Шурыгин засуетился, начал расстегивать пальто.

— Хотите, я свою трудовую книжку вам покажу?

— Нет, нет, зачем, не надо. Предположим, что я вам верю. Дама немного помолчала.

— Я только одного не понимаю, — спустя минуту продолжала она. — Вы жалуетесь на одиночество, на то, что вам некого любить, а между тем в Москве так много свободных женщин!

— А как к ним подойти? — всплеснул руками бухгалтер с горьким смешком. — Вот взять меня: пока я набрался храбрости подсесть к вам, я в течение целых четырех часов безостановочно бегал по бульварам, сделав, таким образом, не менее двадцати пяти верст, дневной переход солдата действующей армии!

Сравнение с солдатом действующей армии понравилось даме, она рассмеялась и еще раз покосилась щелочкой между боа и шапочкой на Шурыгина.

— И совсем напрасно проделывали вы такой трудный военный переход, — сказала она. — Надо было просто подойти ко мне, если вам этого хотелось. Я тут тоже давно сижу и вижу вас, как вы пролетаете мимо то туда, то сюда.

Шурыгин в знак удовольствия что-то такое промышчал и в третий раз, свесив голову в землю, придвинулся к незнакомке, теперь уже вплотную, локоть к локтю.

— Значит, вы ничего не имеете против того, что я сижу и разговариваю с

вами?

— Наоборот. Одна бы я скучала...

### III

Они разговорились, и через пять минут двое незнакомых между собой людей, даже хорошо не видящих друг друга, ночью, в темноте, на улице, при двадцатиградусном морозе, чистосердечно открывали один перед другим свои души... Он погибает, если уже не погиб. Он в общем долгие годы, а, в частности, ежедневно, ищет и никак не может найти подходящую для себя женщину-друга. Как у голодного на уме только хлеб, хлеб и хлеб, так ему, холостяку, всегда мерещится только любовь и любовь... Она, оказалось, тоже погибает, если уже не погибла, но только от другой причины. Четыре года тому назад, вернее, даже пять, ее муж, врач, уехал за границу; первое время аккуратно высылал ей оттуда и деньги, и продовольственные американские посылки, а в последние полгода не шлет даже писем, и она не знает, что с ним, может быть, его уже и на свете нет.

— Главное, жаль детей, — говорила она. — У меня двое детей, обе девочки: одной 6 лет, другой 10, старшая ходит учиться.

Услыхав про детей, Шурыгин от неожиданности опешил, однако в следующий момент сообразил, что это дела нисколько не портит, а скорее, наоборот, характеризует даму с положительной стороны.

— У вас уже девочка 10 лет, а между тем вы сами так еще молоды, так хороши! — взяв ее под руку, прижимался и прижимался он к ней, точно силился весь целиком вмяться ей в бок.

Дама, точно неживая, точно сделанная из тряпок кукла, совершенно равнодушная к его нежностям, продолжала выкладывать перед ним свои беды.

— Поступить на службу мне не удастся, это теперь так трудно. Продавать из вещей больше нечего: что можно было продать, все продала. Непроданным осталось только одно... но оно, кажется, сейчас очень дешево ценится.

— Что именно? — спросил Шурыгин, заволновавшись и страстно посапывая носом в ее дешевенькое желтое боа, от которого пахло псиной.

— Разве вы не знаете что? — ответила дама и, содрогнувшись под шубкой, раздельно и приподнято проговорила: — Любовь. Непроданной у меня осталась только любовь.

— Что ж, товарищ ходкий! — хихикнул Шурыгин, врываясь и врываясь страстным носом в боа дамы.

— Ходкий-то он ходкий, да я не умею им торговать, — заметила дама. — Вот учусь у профессионалок, да ничего не выходит. Поглядите, — кивнула она на лениво и как-то беспутно слоняющихся в потемках женщин, — некоторые из них уже по третьему разу уходили с мужчинами и опять сюда пришли. Умеют. А я все сижу и сижу. Я четвертый день как решила ступить на этот путь и четвертый день хожу здесь без всякого результата.

— А! О! Что? — обрадованно завозился на месте Шурыгин и переспросил: — Только четвертый день занимаетесь этим?

— Пока не "занималась" совсем. Никто не берет.

— Совсем? — взвизгнул еще больше обрадованный Шурыгин. — И не надо совсем! О, это такой ужасный, такой ужасный путь! Еще никто не ступал на него, не поплатившись за него своим здоровьем, своей жизнью. К тому же у вас дети, двое девочек, вы должны хотя детей своих пожалеть.

Он горячо убеждал ее оставить эту мысль, выбросить ее из головы, забыть про нее и в самых мрачных красках рисовал перед ней ужасы, которые ее ожидают.

— Это самый последний, самый гибельный путь! — заключил он свою речь, прижимаясь к ней.

Но, к его удивлению, его слова ничуть не испугали ее.

— Я сама знаю, что это гибельный путь, — спокойно проговорила она. — Я об этом уже все передумала, я все страхи уже пережила. Я хорошо знаю, на что иду, я много читала об этом, о болезнях и прочем. И я решила на все, лишь бы спасти детей.

— Вам лучше всего надо найти себе здорового и порядочного мужчину и держаться его одного.

— Теперь моя очередь спросить вас: а как его найти? Где искать? А я сама знаю, что это единственное, что еще может спасти меня.

— Вам надо найти такого покровителя или друга, что ли, — продолжал Шурыгин, волнуясь, — который заботился бы о вас и о ваших детях...

— Я и сама такого ищу и уже отчаялась найти. Чтобы он и материально помогал мне и чтобы как мужчина был не противен.

— Такого можно найти.

— Ну найдите мне, найдите!

Она оживилась. В ее тоне зазвучало даже что-то девическое, игривое.

А Шурыгин тяжело вздохнул и произнес придушенно:

— Я найду...

Через минуту, отдышавшись и взяв себя в руки, он при нялся хитро выпытывать у нее, не обманывает ли она его, не сочиняет ли про мужа, пропавшего за границей, про детей, про себя, что всего четвертый день как вышла на улицу и что еще никого из мужчин не имела. Он ставил ей вопросы то прямо, то исподтишка, с расчетом поймать ее на лжи.

— О, какой, однако, вы подозрительный! — нервно смеялась она, бессильная выбиться из паутины его вопросов. — Уверю же вас, что сегодня только четвертый день, как я выхожу. И напрасно вы говорите, будто уже раньше видели меня на бульварах. Это неправда. Это с вашей стороны даже нехорошо.

— Но не может быть, — горячился Шурыгин, как следователь, — но не может этого быть, чтобы за четыре дня никто вас не брал. Припомните хорошенько, подумайте и сознайтесь.

— Мне нечего припоминать, раз у меня ничего не было, — защищалась дама. — Вот это-то и доказывает мою неумелость. Опытных, бывалых, тех сразу берут. И, должно быть, я не знаю цен, что ли, какие теперь существуют, и очень дорого запрашиваю. По крайней мере, когда я называю свою цифру, мужчины вскрикивают, машут руками, смеются и бегут к другим.

— Сколько же вы просите?

Она сказала сколько.

Шурыгин вскрикнул, взметнул руками, рассмеялся.

— Вы с ума сошли, что ли? Кто же вам столько даст? Неизвестно, что будет дальше, ну а пока таких цен нет.

— А какие сейчас цены?

— Сейчас?

И он назвал ей ряд цифр: за такую любовь такая цена, за такую такая...

— Так дешево? — наивно, как маленькая девочка, удивилась дама.

— А вы думали как? — улыбался Шурыгин. — Безусловно, в связи с общим вздорожанием жизненных продуктов цены на любовь растут, но не в такой сильной степени, как это представлялось вам.

— Значит, этим тоже много не заработаешь... — разочарованно и удивленно вздохнула дама. — Печально... А я-то думала разбогатеть. Еще один воздушный замок рушится... Вот думала, и того себе накуплю и того; и детей одену и себя. А оно вот что... То-то те женщины, профессионалки, так стараются, так пристаю-ют к мужчинам, насильно навязывают себя, по три раза в вечер ходят. Я думала, что у них нахальство, жадность, — а выходит, что иначе никак не заработаешь в день нужный минимум. И прежде я завидовала им, а теперь мне их жаль... Несчастные!

— Вот потому-то я и говорю, что задумали вы ужасное! — воскликнул с жаром Шурыгин.

Слово за словом, и он сознался, что порядочный мужчина, которого он имел в виду ей предложить для прочной связи, это он сам.

— Я так и знала, — улыбнулась она, видимо довольная. Он смело обнял ее за талию и, тихонько повизгивая, как щенок, начал тереться щекой и бородой об ее желтое боа.

— Ийе-ийе-ийе... — похрюкивал он, жмурия от наслаждения глаза.

Потом он завернул краешек ее старенькой, замшевой, липкой, в дырочках перчатки и стал целовать ее руки.

— А сладкая какая ручка! Ам-ам-ам! Вот не ожидал! Даже удивительно! И откуда берутся такие чудненькие ручки? И от куда они только берутся? Ам-ам-ам!..

— Ой! А вы не кусайтесь!

— Как же вас не кусать? Разве можно вас не кусать, такую хорошенькую, такую славненькую, такую вкусненькую! Я такую, может, пятнадцать лет ищу!

Было очень темно, и Шурыгин, приглядываясь сбоку к не знакомке, нежно спросил:

— Я извиняюсь, мадам: вы блондинка или брюнетка?

— А вам какую надо?

— Мне блондинку.

— А я как раз брюнетка, — произнесла дама очень сконфуженно.

— Ну ничего, — успокаивал ее Шурыгин и опять полез толстыми губами под краешек ее тоненькой перчатки: — Брюнетки, они тоже бывают... Ам-ам-ам!..

Но дама долго еще оставалась расстроенной тем, что она не блондинка. Лицо ее нервно горело, глаза виновато сузились, поглупели. Она плохо слышала, туго соображала и несколько раз ответила Шурыгину невпопад.

Наконец они заговорили о хозяйственной стороне дела, или, как весело выразился бухгалтер, о скучной прозе.

— Вы сейчас сосчитайте точно или говорите мне, а я буду считать, я по счетоводству спец, какие у вас главные расходы и какая сумма в итоге вам потребуется, чтобы вы могли не ходить на бульвар добывать себе деньги таким ужасным способом. А тогда я скажу, в силах ли я столько вам платить.

— Нет, лучше вы назовите сумму, которую вам не жаль давать мне в месяц!

А потом я вам скажу, устраивает это меня или нет.

— Нет, вы раньше скажите, сколько хотели бы вы от меня получать?

— Нет, вы... сколько вы в силах дать?

Они долго препирались таким образом. Было похоже — ни одна сторона не хотела прогадать.

Наконец она сдалась и стала громко вспоминать главные статьи своих расходов.

— Хлеб... Дрова... Прачка... За электричество... За воду...

Она диктовала цифры в рублях, а бухгалтер четко повторял за ней и мысленно клал на счеты, как в конторе, как в Центросоюзе. Над их головами сонное воронье и галки всей своей многосотенной массой опять менялись друг с другом местами, вдруг наполнив тишину ночи сдержанным, мягким, как бы далеким воздушным шумом...

Когда итог был подведен, с него, по предложению бухгалтера, согласно какому-то коммерческому обычаю, была сделана 30-процентная скидка, и стороны пришли к окончательному соглашению.

— Хотите, будете получать ежемесячно, хотите, — понедельно.

— Там посмотрим.

Ее, видимо, еще что-то мучило, она хотела еще что-то сказать, еще что-то добавить.

— Слушайте, — решила она наконец. — Только вы очень не удивляйтесь и не возмущайтесь...

Шурыгин испугался:

— Что? Что такое?

— И не пугайтесь... И не смейтесь... Это такой пустяк. Дело вот в чем... Еще хотела я вас попросить купить мне завтра же, пока там не продали, я видела в витрине одного магазина, — пеструю летнюю блузку...

— Зимой летнюю блузку?..

— Да, да... Пока не продали... А то ее другие купят, а она ко мне очень пойдет... Но вы не подумайте обо мне чего-нибудь дурного, что я пользуюсь, вымогаю... Ничего подобного... Я женщина, и смотрите на это как на мой пустой женский каприз или прихоть, что ли...

— Что ж, — сказал бухгалтер, весьма озадаченный, — это можно.

Потом они встали и быстро пошли на Долгоруковскую, к нему на квартиру.

И, глядя на эту дружную, спешуюся, даже согласованно шагавшую парочку, никто не сказал бы, что это не муж и жена.

#### IV

— Как я рад, как я рад! — восклицал с придыханием Шурыгин и, держа свою спутницу под руку, с упоением прижимался лицом к ее излизанному боа, все сильнее попахивающему собакой. — Какое это счастье, какое счастье! Сам Бог посылает мне вас. Вы так выручаете меня, так выручаете. Вы, собственно, спасаете меня. И это без преувеличения. И я бесконечно благодарен вам за это. Ведь надо же было случиться, чтобы вы четыре дня ходили и никому не успели попасться в руки и идете ко мне первому.

— В этом-то вы можете мне верить. После отъезда мужа я в течение всех этих пяти лет не знала ни одного мужчины.

— В течение пяти лет? Правда? Правда? Какое это счастье, какое счастье! Как

вас зовут? Валентиной? Валечка, сядем на извозчика. Извозчик, подавай! На Долгоруковскую! Только вези скорее!

В санях он, маленький ростом, несколько раз просил свою высокую ростом спутницу нагнуться и, амкая, целовал ее в щеку, в ухо, в шею, в собачье боа, во что попало.

— Какой вы беспокойный, — говорила она по этому поводу.

— А можно расстегнуть на вашей шубке парочку пуговичек, таких славненьких, таких смешных, что, кажется, за одни эти пуговички я жизнь бы свою отдал. Можно, можно, можно? А то у меня руки замерзли, засунуть руку под шубку, погреться... Кроме тех денег, я смогу еще вам выдавать немного монпансье, мануфактуры, подошвенной кожи...

Через четверть часа они приехали. Он позвонил к себе, съезжился и тихонько сказал:

— Сперва я войду один, а вы постоите тут. Потом я погашу свет, выйду и проведу вас за руку в темноте.

— Это зачем?

— Так надо. Чтобы хозяева квартиры не заметили. Все-таки, знаете, неловко.

И потом, в комнате, он беспрестанно напоминал ей, указывая пальцем на стену:

— Тише! Говорите шепотом! Не кашляйте! Не шлепайте по полу босыми ногами! А то они могут что-нибудь подумать!

Когда гостя, ее звали Валентиной Константиновной, сняла с себя боа, шляпу, пальто, перчатки и села в ярко освещенной комнате в мягкое кресло, Шурыгин наконец мог разглядеть ее всю, ее лицо, прическу, наряд. И ему почему-то резче всего бросилась в глаза ее костлявая, сухая, плоская, как доска, грудь, почти целиком проглядывающая сквозь черную кружевную блузку без рукавов с глубоким старомодным декольте. Он даже смутился от такого открытия. Затем его не меньше поразили в ней слишком редкие черные волосы, сквозь которые светилась белая, как мел, кожа головы. Но зато страшная худоба лица странно скрашивалась и даже приобретала какую-то особенную соблазнительность благодаря красивым, совсем не старым, темным, испуганно плавающим глазам.

Валентина Константиновна сразу поняла и первый его мужской взгляд на ее тело и последовавшее затем его мужское смущение.

Она густо покраснела, посмотрела через подбородок на свою доскообразную грудь, понатужилась и выпятила ее, сколь ко могла, и сказала:

— Конечно, я сейчас стала неинтересна... Изголодалась, исхудала... А еще в прошлом году я была ничего, когда муж посылал мне через американцев посылки... Вот тогда бы нам с вами встретиться! А если бы вы видели, какая я была в первый год после того, как муж уехал за границу! Тогда у меня было много поклонников, все больше из друзей мужа, и я могла бы недурно устроиться. Но кто знал, что это так надолго затянется? Я все думала: вот муж приедет, вот муж приедет. Глупая, тогда и надо было устраиваться, а теперь на кого я похожа?

И она подняла, как ободренные крылья, свои заголенные костлявые, большие, чересчур длинные руки и с сожалением, как на чужие, посмотрела на них.

— Нет, — утешал ее Шурыгин и, на правах хозяина, без пиджака, в одном жилете, хлопотал на подоконнике по хозяйству, грел на примусе чай, раскупоривал вино, разворачивал из бумажек за куски... — Нет, вы и сейчас еще можете

нравиться, — провел он по ней издали вспыхнувшим взглядом. — В вас что-то такое есть, в ваших глазах какой-то этакый зажигающий блеск. И это хорошо. Сразу видно, что вы не будете рыбой в любви. Ведь правда?

— Да... Это правда... Если человек мне понравится, то он не пожалеет, что сошелся со мной...

— Да? Даже и теперь? — спросил с нескрываемым удовольствием Шурыгин и, нагнув вперед шею, направился к ней. — Это очень важно, очень важно!

Так как обе его руки были в жиру от семги, рыбий жир лил с них, то он отстранил их в стороны и назад, а сам потянулся лоснящимися от семги губами к Валентине Константиновне целоваться.

Она, устремив испуганные глаза в одну сторону, подставила ему свои губы в другую.

— Вы только не очень спешите, дайте мне немного осмотреться, освоиться...

— А я разве спешу? Вот видите, затеял эту возню с чаем.

— Вы сперва кончайте эти приготовления... — произнесла она в стену комнаты и незаметно вытерла уголком платка рот, от которого после поцелуя неприятно пахло, как от болота, пресной свежиной сырой семги.

— Это ничего, — сказал бухгалтер и пошел сервировать стол. — Это я только так, пока. Не мог удержаться. Уж очень вы понравились мне.

— Да? — удивленно спросила гостя. — Я вам нравлюсь? Странно, как это я теперь могу нравиться... Я ведь все эти годы так стремилась убить в себе женщину, заглушала в себе вся кое чувство, боролась с соблазнами, мучилась.

— Если бы вы раньше сошлись с мужчиной, вы бы сохранились лучше.

— Теперь-то я это сама сознаю.

— От воздержания, — проговорил бухгалтер, стал лицом к госте и положил себе в рот с ножа лункообразную пластинку голландского сыру, — от воздержания у женщины развивается острое малокровие. Это установлено наукой. А сколько бывало смертных случаев!

— Мне и самой доктора то же говорили: "Вам никакое питание не поможет, вам надо выходить замуж". А я все старалась быть верной мужу.

Бухгалтер мелко и рассыпчато рассмеялся, и чайная посу да, которую он нес от подоконника к столу, задрезжала в его руках, как бы вторя его смеху.

— А вы думаете, муж верен вам, в особенности там, в развратной Европе?

— Конечно нет. Тем более с его страстной натурой. А Европа разве развратная?

— Европа? Ого, еще какая.

И он, как от зубной боли, зажмурил один глаз и многозначительно тряхнул головой.

Они пили чай, закусывали, лакомились, чокались рюмками с вином и все больше рассказывали друг другу подробности о себе.

— У меня три дочки, а не две, — созналась гостя. — Я вначале сказала, что две, чтобы не очень вас отпугнуть от себя. Двух вы и то испугались, я ведь это чувствовала: вы на бульваре все время крепко жали мою руку повыше локтя, а как только я сказала, что у меня двое детей, ваши пальцы сразу отпустили мою руку, как будто вы вдруг потеряли силу.

Шурыгин пойманно ухмыльнулся.

— Это все ерунда, — сказал он, — дело не в том, сколько у вас дочек, две или три. А дело вот в чем: не сочиняете ли вы всю эту историю про себя, про свои